

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ПРЯТКИ

Вообще, народ этот в своём ли уме?

Легкая возня, возникающая с утренним чириканьем воробьёв, ко времени, когда черный ворон, распластав свои крылья, возвратится к гнезду, превращается в сплошной гвалт, и все вокруг, будто в приступе шаманьего экстаза, суетится и пульсирует в конвульсиях. Откуда эта толпа нищих, просящая у скупцов вознаграждения, а у слепцов прозрения?.. Так и кружится вокруг тебя, как поднимаемая ветерком пыль вокруг лачуги...

Чем объяснить, что Начальник, который мог в своё время наобум бросить камень и непременно попасть в Луну, оробев от этого шума и гама, уже не может и воробьиного шажка ступить из своего учреждения. Сложив вывернутые руки на ягодицах, с утра и до вечера ходит по кабинету взад и вперёд. Бесчисленные друзья-приятели, с которыми братался, прижимаясь в саунах голым торсом, обмениваясь слюной, испарились без следа. Словно миражи, стремительно убегающие от бархана к бархану. Где угодливые замы, им же самим откормленные как на убой?

Несчастные человечки, схватывающие на лету и безоговорочно исполняющие приказы, словно мелкой рысью семенящие лошадки, они пригодились ему тогда, когда над его учреждением сгустились свинцовые тучи.

Как только заговорили о банкротстве, он все девятьсот девяносто девять недостаточ-неурядиц из тысячи целиком взвалил на двух-трёх сослуживцев. Выпуская из них кровь в прессе, довёл одного до обвинения в коррупционном соучастии с заокеанским Мю-Тю-Хю. Другого, более совестливого, — до смерти от инфаркта. Третьего, самого пронырливого, заставил, заметая следы, сбежать в сторону густого соседнего леса.

А что же взять со всякого рода начальников управлений и отделов, вроде старух, с прищуром ожидающих подачек и отрезков? Они же страдают несварением желудка, если хотя бы раз в день не заглянут в его кабинет. Шавки, потерявшие нюх, с истоптанными наискось каблуками!

Единственное место, где можно от всего этого отдохнуть и набраться сил, — смежная с громадным кабинетом комната отдыха с брошенным на пол голубым, будто озерцо, ворсистым ковром в обрамле-

нии мягких кресел. Оставаясь наедине с собою, он не прочь бы на том ковре полежать-повалиться, а то и покувыркается. Всё это от нервов, от какого-то неподъемного груза на сердце!

Проглотив два-три кружочка копченого коричнево-жёлтого казы¹, кряхтя и потея, утоляя липкую жажду пересохшего неба зелёным ароматным чаем, он готов был пропустить рюмашку густого тёмного коньячку, да и то грамм эдак пятьдесят, скупно накупанных, черт подери, секретаршей-пигалицей. Но именно эта миниатюрная, обтянутая пигалица дарила ему хоть какую-то отдушину...

— Тугенчеевич! — обращается она к нему, приоткрывая дубовую дверь с золотистой ручкой и заигрывая глазками. (Наверное, — да прибавится ее племя, — у нее, мимолетно думает он, нет тех темных мыслей, лишь эта бездонная чернота глаз?) — Иностранная фирма может поставить отличное звукоизоляционное оборудование. А то вы сидите, слушающая крики толпы с улицы и повышая себе давление, иногда затыкая ватой уши, в полуобморочном состоянии. Закажите! Моментально избавит от этих мук. Пожалейте самого себя. Вы же нужны ещё...

Только когда снаружи взорвутся, тыфу, тыфу, не приведи Господь, одна за другой бомбы, может и слышно будет. А так — тишь да гладь. Хоть споры, хоть раздоры — всё нипочём. Тишь да гладь!

Э-э, зрачок моих глаз! Порхает жёлто-красной бабочкой, ухаживая ещё усерднее, чем дома родная жена.

Звукоизоляционное оборудование... Попробуй закажи...

Всё-таки что только не вытворяют эти вероломные казахи, приватизировавшие по два торчащих уха и по одному острому языку! Выучили буквы, начали, не переставая, строчить жалобы. Месяцев десять назад он, сняв свой дорогой костюм, отшвырнул галстук, душивший ещё с тех пор, как он только взнуздан коня карьеры, напустил строгие морщины на лоб и, придав себе сочувствующий вид, решил встретиться с народом. Как заправский артист, прохаживаясь перед зеркалом, стал готовиться к встрече.

— «Мой народ!» — если я начну так? — Подумав, он попробовал повторить словосочетание. Но, будучи всего из двух элементов, оно зашаталось и, потеряв устойчивость и весомость, рухнуло.

— Мои соотечественники, родные! — пытался придать голосу ласку, но и это, как пустой карман, не могло исцелить и успокоить народное недовольство.

А если, высказав сразу все эти три обращения, ещё не потерявшие свою значимость, да тут же пустить слезу из глаз? Приложить платок к глазам? Могут же поверить, что человек сопереживает и тоскует! Обрадовался находке больше, чем если бы жена родила ему сына.

Вот бы древние духи предков, став стеной, поддерживали с двух сторон, избавив и на этот раз от хватки красноглазых дьяволов! А там видно будет... Прибудут иностранные инвесторы, не знающие, куда вложить накопленные богатства... Цены на нефть опять неожиданно взлетят... На худой конец, нагрянут форсмажорные обстоятельства... Сбежит наконец, унося в зубах свою душу: уловка всегда найдётся.

«Широкие массы», которые вживе могли видеть его лишь волею случая, а большей частью — валяжно восседающего на экранах телевизоров, сперва гудели, а потом затихли от неожиданности. Ибо, увидели сначала не самого Начальника, а его рабочий комбинезон, нелепо висящий на нём, как висят подшейные складки у худой коровы. Его известная всем форма вдруг обмякла, выглядела совсем не так, как по телику. И народ решил, что этот несчастный мало чем отличается от них самих. Рассерженные взгляды, перекошенные лица, назойливые и злые голоса действительно немного смягчились. Растерялись.

Начальник призвал на подмогу ловко заготовленную перед зеркалом фразу:

— Мои соотечественники, родные! — обратился плаксиво и, вынув огромный платок, вытер им глаза. На ресницах, чёрт подери, не оказалось ни росинки. Не выжал: надо было заранее готовить слёзы, внутренне размякнув, напустив унылое настроение. Слёзы, видать, заготовливать сложнее, чем слова. Если бы знал заранее! Два-три раза скорбно погладил лицо, глубоко скрывающее гнездовье спрятавшегося шайтана, но, поскольку из этого всё равно ничего путного не вышло, поднёс платок к носу, похуже на дубинку. Высморкавшись, обрадовался: полезным оказался этот источник влаги.

— Одним мы миром мазаны, — продолжил печально, — вместе и пропадать, главное, пожелаем друг другу здоровья, — завернул, как будто, упав с седьмого этажа, остался жив. — Да и своими делами похвастаться не могу, братья! Не за себя ради, как говорится, спал в седле и терпел лишения... Бился один на один с изворотливым семиглавым чудом-юдом по имени «Банкрот»...

Разве есть более сильное средство превратить ложь в истину, чем горячее дыхание слов, теплом проникающих не только в душу, а прямо в суставы, бьющих в уязвимое место? Толпа женщин, заморённых голодом, жалостливо прослезилась. Старуха с обвисшей челюстью со словами: «Что теперь поделаешь?» — ахая, еле выпрямив согнувшуюся спину, словно набухшую в воде сыромятину, проговорила:

— Правильно, голубчик, говоришь: один ворот для головы, один рукав для руки...

— Тогда вытащим и ляжку из штанины! — взвизгнул из толпы, оплёвывая свою бороду, какой-то старик, ринувшись, словно бодрая кляча на привязи, в его сторону. — Отдай мою пенсию! Сейчас же, бандит!

¹ К а з ы — колбаса из конины.

Ну и пустоголовый маразматик! Вместо того чтобы, постелив мягкую постель, лежать у печки, прося Аллаха о милости досрочной смерти, нет же, — как змея-стрела, пытается вонзить своё жало в нежную мякоть Начальника. Замешкавшись и выигрывая время, Начальник закашлялся, потянулся было снова к спасительному платку. Но тут золотой перстень на его среднем пальце, величиною с головку курительной трубки, и голубой бриллиант в оправе, отражаясь на солнце, блеснули в глаза разъяренных людей.

Блеск золота, волшебный свет чудесного камня с налётом бледноватых оттенков на сей раз сыграли с хозяином коварную штуку. Сейчас лучше укротить свою гордыню, как строптивую лошадь. Потому как, встань он на дыбы, размажь глупого старика — повалять! Как же не повалять? Как же не повалят, если воспалённым взглядом своим, гуртовым наваждением, допрут, почувствуют, что в сплаве таинственного перстня хозяина воды Сулеймена поблёскивает доля каждого и слезы их семей... Вот уже какой-то вероломный оратор, ни дать ни взять высушенный на печке валенок, начал уже подергиваться в толпе...

— Наша национальная валюта превратилась в младшую жену Бакс-бая¹. Портрет дедушки Абая и на сдачу уже не тянет! Почему бы не нарисовать на дешевых бумажках головы акимов², которых развелось больше, чем крупы в супе, чем глумиться над великим человеком?!

— Из сорняка выбились в правители, а благородные корни затоптаны, как рабы!

— Правительство говорит: давайте, рожайте детей! Будто мало нам того, что мы мешки таскаем...

— Заводы и фабрики заглохли!

— Проституция! — раздался из толпы мужской голос.

— А что — с голодудохнуть? — зло отвечает ему женский. — Если на работу берут только этот орган...

Даже вспоминать не хочется об этой встрече. Чудом выкрутился. Слезно пообещав последней вдове целую отару овец, умоляя дать ему десятидневный срок — мочась клятвенно на соль, с величайшим трудом утихомирил народ, уже было рвавший узду...

...Он был единственным ребёнком у простодушного отца, надевшего четки-бусинки на шею сердобольной матери, которая едва смогла вымолить его у Всевышнего. Накормленный и одетый, лето напролет со своими отчаянными ровесниками бегал по траве до зеленого налета на босых ногах, до цыпок и мозолей играя в лянгу, загоняя ягнят и козлят, устраивая скачки на жеребятках. И, что удивительно, этому светлокожему мальчику, с непослушной чёлкой и вечно потертой по краям тибетейкой, был дарован особый талант, которого не было у окружающих.

Вечером, после того как с пастбища пригоняли скот и душистый дымок кизячных очагов начинал

пританцовывать под дуновением ветерка, все малые непоседы тихого аула, собравшись гурьбой, затевали игру в прятки. Да, да, в самые обычные прятки. Когда, словно вспугнутые с дерева воробьи, врассыпную, кто куда, дети пропадают из виду, ищут любой закуток, чтобы спрятаться. А один маленький пострел начинает всех искать. «Застукавшие» себя проявляют солидарность с теми хитрецами, которых не обнаружили: «закукую — появись, крикну «беркут!» — схоронись!». И в этот час дети поднимают гвалт, что будоражит весь аул.

И вот во время этой любимой игры вчерашний мальчик, а нынче Начальник прятался так, что его никогда не могли найти. Ниша в хлеву, выемка в стогу, чрево старого сундука, колпак опрокинутого казана, гнездо ласточки, нора мышки... Точно сама земля его проглатывала. Сколько угодно топчи подшвы, слёзно умоляй, но он не обнаруживал и тени своей. Даже те, кто предлагал биток асыка, утяжеленный свинцом, в обмен на его признание, не могли добиться никакого результата. Потому как и знатоки не знали, куда же запропастился этот мальчик?!

...С той поры как подсох носовой платок, прошло не десяток дней, а о-го-го, целых десять месяцев... Он не отлёживал бока: скакал по дорогам, как рысак, бороздил просторы, как атан, обошёл все четыре стороны света с протянутой рукой, но, не найдя и воронова помёта, понуро воротился обратно.

Ожесточенный народ объявил голодовку, вон обложил досель не приступную его цитадель и ждёт, страдая пролежнями... Говорят же, что упрямыцы выплевывают воду, закапанную им в рот. И что там, хоть на соль мочись, хоть на лёд, но разве остался сегодня народ, который поверил бы твоему слову?!

В тот полдень, когда пропала последняя надежда и окончательно лопнуло терпение, в кабинет Начальника, хлопая подолом, вбежала, запыхавшись, пигалица, смотрящая бусинками темных глаз.

— Тугенчевич! Народ хлынул внутрь!

Молчание.

— Тугенчевич! Говорят, будут громить всё, что попадётся под руку.

Молчание.

— Туген-ч-е-е-вич!..

Сбитая с толку, девушка второпях стала обыскивать громадный кабинет с мебелью красного дерева и смежную комнату отдыха, заполненную голубым ковром и мягкими креслами. Начальник, только что сидевший и лениво, по-барски, потягивающийся, исчез без следа. Она заглянула везде — нет! Сказать, улетел на небо! — так пуленепробиваемое окно намертво закрыто. Сказать, провалился сквозь землю! — паркетные полы тоже целы, не видно даже щели, куда можно было бы просунуть иголку... Где он? Куда же он подевался, боже ты мой?!

Единственным покровителем и защитником её в этом девичьем странствии по такому опасному миру был только он. Растерянная и измученная поисками

¹ Бакс-бай — американский доллар.

² Аким — чиновник.

ми, наступающими криками толпы, совсем изнемогшая и уже отпускающая на волю свою нежную душу, девушка открыла последний, неприметно стоявший в углу низенький шкафчик.

И, о стыд! Какой срам! Просто язык казаха не повернется такое сказать! В шкафу... в своей потертой по краям тюбетейке... с чёлкой, закрывающей глаза, сидел тот белобрысый мальчонка...

— Туген-ч-е-е-вич!!!

— Т-с-с-с! Сдурела?! Не кричи! Я играю в прятки... Закрой меня, быстрее!

1999 г.